

АФРИКА И ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

М. КОРОСТОВЦЕВ

Доктор исторических наук

ЖЕ давно ученые заметили, что в материальной и духовной культуре народов Тропической Африки и древнего Египта существует поразительное сходство. Оно наблюдается в быту, в обрядах, в предметах домашнего обихода, в воззрениях.

Примеров такого сходства множество. Племя бушонго (или бакуба), обитающее в бассейне реки Касаи и ее притоков Лулуа и Санкуру, пользовалось точно такими же кузнечными мехами, как те, что изображены на древнеегипетских фресках XV века до н. э. Бушонго считают, что эти мехи занесены в Конго из бассейна реки Шари, впадающей в озеро Чад. Такие же мехи были обнаружены в прошлом веке в южном Кордофоне (Судан) на пути из долины Нила в бассейн реки Шари. У ряда племен Тропической Африки (кильба, фали, вукари) отмечен весьма сходный с древнеегипетским обычай мумификации покойника. Жрецы народа йоруба носили воротник точно такого же покроя, как древнеегипетский «усех». Спрашивается: как объяснить эти факты, несомненно, не являющиеся случайностью?

Любые попытки объяснить подобное сходство сходством условий социально-экономического развития не выдерживают никакой критики. В самом деле, в раннерабовладельческом и рабовладельческом обществе древности, например, все религии были в основном политеистические. Политеизм отвечал структуре такого общества, и в пантеоне разных народов мы находим божества, разделенные приблизительно одними и теми же функциями. Так, в Египте, Двуречье, Финикии, у хеттов существовали мифы об умирающем и воскресающем боге — Осирисе, Адонисе, Таммузе, — но конкретный образ этого бога, содержание мифов о нем весьма различны. Иначе говоря, идея мифа в своей основе одна и та же, так как она возникла у народов с приблизительно одинаковым уровнем социально-экономического развития, но ее конкретно-чувственное воплощение во всех случаях было самобытным. Понятно, что тождество в одежде, предметах обихода, обычаях, нравах не может объясняться сходством или одинаковым уровнем

социально-экономического развития. Таким образом, остается искать другой ответ на поставленный нами выше вопрос.

Роль культурных влияний и заимствований в историческом процессе всех времен и народов несомненна и весьма существенна. Отрицать эту роль в принципе — значило бы отрицать несомненные, непреложные факты, исказить реальную картину исторического развития человечества. Однако так же неверно пытаться объяснять только влиянием и заимствованием факты, которые такому объяснению не поддаются. После этих предварительных, но весьма существенных для решения интересующего нас вопроса замечаний обратимся к рассмотрению связей Египта с Тропической Африкой в древности.

И здесь перед нами в первую очередь встает важнейший вопрос: кто такие, собственно, древние египтяне? Являются ли они в Африке пришельцами, или они местные, коренные ее жители? В результате множества самых разнообразных исследований установлено, что египтяне — такие же аборигены африканского континента, как и негроиды. Это народ средиземноморской расы с известной примесью негроидных элементов. В доисторической древности африканские племена средиземноморской и негроидной рас жили бок о бок. Это подтверждается и замечательными фресками, найденными в Тасили (Сахара) французским ученым Анри Лотом и относящимися к тем временам, когда Сахара была еще обитаема. Впоследствии из-за высыхания и омертвления Сахары, а также по каким-то другим, неизвестным нам причинам племена негроидной расы отступили далеко на юг.

В историческую эпоху египтяне неоднократно посылали свои экспедиции на юг — вверх по течению Нила и вдоль восточных берегов Африки (нам это хорошо известно из ряда дошедших до нас текстов). Эти экспедиции начались еще в III тысячелетии до н. э. Но лишь во времена XVIII династии, в эпоху максимального территориального расширения египетского государства (XV век до н. э.), египтяне впервые на протяжении своей истории столкнулись с негроидами за пределами четвертого

нильского порога. Захваченные здесь египтянами территории управлялись египетской администрацией, опиравшейся на военную силу — крепости и гарнизоны, и интенсивно «египтизировались».

Мы не знаем, когда именно и при каких условиях обширные владения египтян освободились от их власти и оформились в самостоятельные государства. Вероятно, это произошло в результате смут, которыми окончилась блестящая эпоха Нового царства. Так или иначе, но в VIII веке до н. э. на арене всемирной истории появляется Напатское (или Эфиопское) царство со столицей Напатай, расположенной у горы Джебель-Баркал близ четвертого нильского порога. Теперь уже оно подчиняет себе Египет, а его цари, напатские фараоны, во всем подражавшие египетским, становятся повелителями объединенных Напаты и Египта. Эфиопская династия (XXV династия по египетскому счету) состояла из негроидов: ее цари Шабака, Шабатака, Тахарка носят явно неегипетские имена. «Изображения Шабаки и Тахарки на египетских памятниках, особенно же последнего на зендширлийском барельефе царя Асархаддона, обнаруживают несомненно негрский тип», — отмечает академик Б. А. Тураев. Появление этой негроидной династии на объединенном троне Напаты и Египта — не случайность, а свидетельство политического и культурного роста негроидного элемента в Напате, крупной мировой державе того времени.

Позже, когда напато-египетское государство распалось, напатские цари перенесли свою резиденцию еще дальше в глубь Африки — в Мероз, в область шестого нильского порога, что еще более усилило роль негроидов в жизни страны. На основе египетского иероглифического письма в Мероз было создано мероитское иероглифическое письмо, а на основе египетского демотического — мероитский курсивный алфавит. Изучение этого письма и языка находится еще в начальной стадии. Меровитское монументальное искусство свидетельствует о высоком уровне мероитской культуры и вместе с тем — о несомненном влиянии Египта.

Меровитское царство пало в IV веке н. э., и с этого времени государственность и культура Мероз исчезают с исторической арены. Лишь в VI веке н. э. на всех этих территориях начинает распространяться христианство.

Таким образом, начиная с VIII века до н. э. по IV век н. э. в сердце Африки существовало самостоятельное и мощное государство Напата-Мероз, создавшее на основе египетской культуры свою собственную. Ее создателями и носителями были негроиды.

Совершенно несомненно, что на протяжении своего более чем тысячелетнего существования Напата-Мероз должно было оказывать мощное воздействие на другие народы и племена Африки, на их материальную и духовную культуру. И хотя за отсутствием письменных источников мы не можем доказать это влияние и проследить его каналы, было бы явной предвзятостью утверждать обратное: все, что нам известно об истории африканского континента, говорит о бесконечных передвижениях и миграциях разных племен и народов начиная с глубокой древности, а путем передвижений и миграций и передаются бытовые и культурные достижения. Слишком много фактов сходства в быту, нравах, воззрениях между народами Тропической Африки и древнего Египта восходит к прямому или косвенным заимствованиям из Египта или Напаты-Мероз.

До недавнего времени было принято говорить о существовании одной античности — греко-римской, на которую опирались в своем развитии культуры европейских народов. Такими же «античностями», то есть очагами всемирной культуры, были, например, Китай для стран Дальнего Востока, Индия — для Южной и Юго-Восточной Азии. В какой-то степени таким же очагом культуры для Африки были Египет и Напата-Мероз.

Подтверждение тому, что именно Напата-Мероз оказало значительное влияние на Западную Африку, мы находим в легендах, собранных и записанных известным исследователем Африки Лео Фробениусом. Согласно этим легендам, выходцы из Напаты основали в Западной Африке ряд городов и государств. Но основание этих городов относится к VII веку н. э., когда государства Напата-Мероз уже как такового не существовало и когда на его территории распространилось христианство. Следовательно, этот поток выходцев из Напаты-Мероз не мог принести с собой в Западную Африку элементы напато-мероитской культуры. Однако, поскольку такой поток засвидетельствован в легендах, записанных Фробениусом, мы имеем право допустить, что подобные контакты между Западной Африкой и Напатай-Мероз существовали и ранее.

Однако заимствование вряд ли может играть решающую роль в развитии культуры, диапазон его распространения сравнительно ограничен. Ряд моментов сходства культур имеет совершенно другой источник.

Зарождение и первые шаги египетской культуры происходили на протяжении очень длительного времени в глубочайшей древности. На интенсивность контактов между белыми и черными африканцами указывает, например, такой исключительно интересный факт: скотоводческие племена фульбе, антропологически относящиеся к белой расе, говорят на языке бантоидного типа, а народ негроидной расы хауса — на языке, близком семито-хамитской группе.

Несомненно, что между белыми и черными африканцами в глубочайшей древности на равноправной основе происходил постоянный обмен в области материальной и духовной культуры, в результате чего сложился общий для них культурный субстрат. К этому субстрату и восходят многие моменты сходства, не поддающиеся объяснению в свете заимствований.

Итак, на вышепоставленный вопрос о причинах сходства ответом является наличие в древнейшие времена общего для черных и белых африканцев единого культурного субстрата в первую очередь и ряд заимствований из культуры Напаты-Мероз в более поздние времена.

В 1963 году население африканского континента составляло, по данным ООН, 296 миллионов человек, или 9,3 процента населения земного шара. Африканские страны отличались самой высокой рождаемостью: в Гвинее и Мали — 62 человека на тысячу, в Республике Берег Слоновой Кости — 56, Дагомее — 54, Кении — 50. Но самая высокая смертность наблюдалась тоже в Африке: в Гвинее — 40 человек на тысячу, в Чаде и Береге Слоновой Кости — 30.